

Проповѣди св. Максима, епископа туринскаго (V вѣка).

(Окончаніе).

VIII. Кромѣ этихъ суетвѣрій, давшихъ Максиму поводъ представить въ назидательномъ словѣ наглядное для насъ изображеніе внутренняго состоянія современнаго ему общества, было нѣсколько внѣшнихъ общественныхъ или политическихъ событій, въ которыхъ вліятельнѣе пастырь находилъ себя вынужденнымъ сказать не одно мѣтко-историческое слово. И по этому слову мы можемъ пересказать тѣ впечатлѣнія, съ какими современники Максима встрѣчали грозныя событія своего вѣка, и тѣ средства, къ какимъ они прибѣгали и къ какимъ лучшіе умы совѣтовали имъ прибѣгать, чтобы избавиться отъ угрожавшихъ имъ бѣдъ, или чтобы только ослабить жестокость и остроту ихъ подавляющаго вліянія. Самое главное и крупное изъ этихъ событій, о которомъ мы можемъ читать живое слово современнаго умнаго лѣтописца въ проповѣди Максима,—это нашествіе Аттілы на Италію, бывшее въ 452 году по Р. Христовѣ. Максимъ туринскій былъ современникомъ страшнаго нашествія гунновъ. Судьба грозила ему вмѣстѣ съ своими согражданами испытать страшное опустошительное дѣйствіе варварской орды нахлынувшей на провинціи устарѣвшей богатой имперіи. И провидѣніе спасло Туринъ отъ угрожавшей ему напасти. Трепетное, страшное время было для Турина, когда онъ сдѣлалъ на день ожидать къ себѣ кровожаднаго гостя. Пастырь

церкви, стоявшій на верху своего общества и соединенный съ нимъ узами истинной пастырской любви, раздѣляетъ съ нимъ тяготу дня. Но какъ человекъ съ силою вѣры и духа, онъ не падаетъ подобно другимъ въ уныніе и отчаяніе, а на-противъ старается поддержать всѣхъ, наставляетъ и ободрить въ минуты угрожающаго бѣдствія, указываетъ тѣ мѣры, ~~къ~~ ^{на} ка-кимъ его сограждане должны прибѣгнуть, чтобы не посра-мить себя, отвратить бѣдствіе и вмѣстѣ съ этимъ не впасть въ преступленіе. Восемь бесѣдъ мы находимъ у Максима съ спеціальнымъ отношеніемъ къ нашествію Аттилы. Онѣ ска-заны, кажется, въ восемь воскресныхъ недѣль, непосред-ственно слѣдовавшихъ одна за другою. За насущнымъ вопро-сомъ дня оставлены были всѣ другіе предметы назиданія. Читая эти бесѣды, одну за другою, вы переживаете посте-пенно всѣ фазисы, чрезъ которые прошла внутренняя жизнь встревоженнаго Турина, понимаете и живо представляете всю тяжесть этихъ восьми недѣль для отчаявшагося въ защитѣ общества, и въ то же время видите, какъ высоко стоялъ предъ этимъ обществомъ нашъ проповѣдникъ, и какъ въ свое время плодотворно и спасительно было его ободряющее и наста-вляющее слово.

Максимъ начинаетъ бесѣдовать о военномъ смятеніи (Hom. LXXXVI) ¹⁾, когда туринцы слышали, что жестокіе и страшные враги вторглись въ сосѣднія провинціи и несутъ съ собою мечъ, огонь и опустошеніе. Въ страхѣ туринцы начинаютъ укрѣплять стѣны своего города, заготавливаютъ ору-жіе, чтобы противопоставить что нибудь натиску враговъ. Св. Максимъ говоритъ трепетному городу, чтобы онъ не приходилъ въ уныніе, при слухѣ о врагѣ, понялъ и принялъ къ сердцу тотъ урокъ, какой ему преподается этимъ постоян-

¹⁾ Patrol. cursus. compl. p. 449—450.

нымъ слухомъ о военной сумятицѣ и сраженіяхъ. Еще Спаситель сказалъ, что въ послѣднія времена *возстанетъ языкъ языкъ, и царство на царство* (Мар. XIII, 8), и когда услышите брани, и увидите *глады и пагубы и трусы по мѣстамъ знайте, что близъ есть царствіе Божіе* (Матѣ. XX 6. 7). Значить, близость военныхъ смятеній показывала близкое пришествіе Христово. И нечего намъ бояться ищаго непріятеля, когда по этимъ знаменіямъ мы лучше разумѣемъ пришествіе Спасителя: онъ вселяетъ временный страшно готовить и приносить вѣчное спасеніе. Господь силе отогнать отъ насъ страшнаго врага и утѣшить насъ своимъ присутствіемъ. Этими военными смятеніями указывается конецъ міра; будущему суду предшествуетъ это безпокойство. Осерегаясь того, что видимъ, еще бдительнѣе будемъ по отпущенію къ тому, чего надѣемся.

Итакъ проповѣдникъ устрашенную мысль своихъ слушателей отводитъ отъ нависшихъ временныхъ тучъ и обращаетъ ея къ временамъ вѣчнаго суда и воздаянія, котораго предвѣщаются колебаніемъ общественнаго спокойствія. Тамъ готовится утѣшеніе для зрѣлаго благочестія, но тамъ страхъ болѣе существенный и сильный, чѣмъ какой возбуждается нашествіемъ враговъ, угрожающихъ нашему временному спокойствію, счастью и жизни. О томъ днѣ воздаянія должны скорѣе помыслить, чѣмъ объ этомъ случайномъ временномъ несчастіи, и отъ того страха больше должны остерегаться себя, чѣмъ отъ этого. Какъ же остерегаться и preserving себя отъ вѣчныхъ золъ? А такъ, какъ предохраняя себя отъ вражескихъ нашествій среди военныхъ общихъ смятеній старѣйшины города. Видя ихъ приготовленія къ защите города, разумный человѣкъ находитъ здѣсь увѣщаніе для себя къ тому, какъ онъ долженъ приготовить защиту душъ своихъ во время будущаго разрушенія міра. «Мы видимъ, что

*

оружаются ворота города, еще прежде этого мы должны вооружить въ себѣ ворота справедливости..... Городъ укрѣпляется желѣзомъ, камнемъ, деревянною оградю, а душа вооружается милосердіемъ, невинностію, чистотою; тотъ охраняется множествомъ мечей и стрѣлъ, а душа защищается частыми молитвами. Для полной защиты городовъ у воротъ обыкновенно ставятся знамена царей; а ворота души нашей пусть осѣняетъ знамя Спасителя. Итакъ, братіе, по причинѣ будущаго суда вооружимъ себя оружіемъ небеснымъ, опояшемся броней вѣры, покроемся шлемомъ спасенія и оградимъ себя мечемъ духовнымъ—словомъ Божиимъ. Вооруженный этимъ оружіемъ не убоится ни настоящаго смятенія, ни будущаго суда».

Мысль справедливая; но урокъ ея могъ показаться нѣсколько отвлеченнымъ и не такимъ прямымъ, какого ждали животрепещущія событія дня. Проповѣдникъ видѣлъ это, и потому не оставилъ безъ вниманія и той плотской боязни, съ которою приходили въ церковь его слушатели. Но и отъ внѣшней опасности, по его словамъ, нѣтъ лучше и вѣрнѣе средствъ, какъ нравственная чистота, благочестіе и молитва. Они, эти внутреннія средства замѣняютъ недостатокъ средствъ внѣшнихъ и усиливать тѣ, какія изобрѣтаетъ предосторожность; а безъ нихъ и самое заботливое укрѣпленіе города можетъ оказаться напраснымъ. «Мало пользы ограждать стѣны какими нибудь валами, и вызывать гнѣвъ Божій грѣхами». Желая придать силу своему слову и возбуждая надежду своихъ согражданъ, онъ указываетъ на Давида, который безъ оружія, покрытый однимъ благочестіемъ, убилъ исполина Голиафа, какъ нельзя лучше вооруженнаго, и одною силою вѣры поразилъ воинственнаго мужа, со всѣхъ сторонъ защищеннаго латами. Давидъ не покрывался шлемомъ, не опоясывался мечемъ, не бралъ и коня, а убилъ исполина не мечемъ желѣз-

нымъ, но мечемъ духовнымъ. Глазамъ людей онъ казался б оружнымъ, между тѣмъ онъ достаточно былъ вооруженъ мощію Божіею.

Прошла недѣля послѣ этого перваго слова, вызваннаго нашествіемъ Атиллы. Слухи о немъ, его жестокостяхъ и приближеніи росли болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ этими страхами усиливался и страхъ города. Самъ онъ, хотя принимая нѣкоторыя средства къ защитѣ, но не надѣялся на успѣхъ. Нравственная помощь теперь являлась болѣе настоятельною. Въ прошлый разъ Максимъ находилъ возможность отвлечься отъ страховъ города; видно, что эти страхи еще не поглощали всего существа и всѣхъ стремленій его пастыря. Теперь это отвлеченіе становилось тяжелѣе, и проповѣдникъ весь погружается въ эту думу народа, и не только ободряетъ его, но назначаетъ недѣльный постъ, молитву и бдѣнія, привлеченія Божія милосердія.

«Ваша любовь помнитъ (такъ начинаетъ Максимъ свою вторую проповѣдь по случаю нашествія Атиллы), что прошлое воскресенье мы увѣщавали васъ добрыми дѣлами и непрестанными молитвами отворить себѣ ворота правды частыми милостынями, какъ окопомъ, оградить себя. Противъ врага неодолима стѣна—это милостыня и постъ. Орудіе врага сильно, но сильнѣе это орудіе Спасителя: кто обрѣтается имъ, тотъ, хотя будетъ казаться безоружнымъ для глазъ людскихъ, но будетъ достаточно вооруженъ, потому что самъ Божій будетъ охранять его. Итакъ въ напасти лучше всего молиться, поститься, пѣть псалмы, творить дѣла милосердія. Этими стрѣлами (какъ мы указали въ примѣрѣ Давида противъ Голіафа) обыкновенно христіане побѣждаютъ своихъ враговъ, этимъ оружіемъ они охраняютъ стѣны города. святыи пророкъ говоритъ: *еще не Господь сохранитъ градъ, аще бдѣ стрѣи*» (Псал. СХХVI, 1). Напрасно трудится тотъ,

кто думаетъ, что онъ вооружаетъ городъ, когда онъ самъ не имѣетъ оружія вѣры. Напрасно трудится тотъ, кто думаетъ, что онъ можетъ приготовить защиту другимъ, будучи самъ оставленъ милостію Божіею. Господь говоритъ въ евангеліи: *врачу, исцѣлися самъ*. Этимъ примѣромъ говорится: позаботься, добрый человѣкъ, прежде о своемъ спасеніи, чтобы имѣть возможность заботиться о спасеніи многихъ. А если я вижу тебя безсильнаго и слабаго и оставленнаго помощію Божіею, то не только не довѣряю защитѣ города, тобою приготовляемой, но напротивъ боюсь, какъ бы твое отчаяніе не привело города въ большее смятеніе. Тогда городъ укрѣпленъ, когда самъ Богъ охраняетъ его; а Богъ тогда его охраняетъ, по писанію, когда жители его всѣ хранятъ воздержаніе, строгіе нравы, всѣ благочестивы и религіозны. Богъ сохраняетъ тотъ городъ, въ которомъ видятъ, что сохраняютъ его заповѣди. А гдѣ роскошь, вѣроломство, богохуленіе, того города не охраняетъ Господь. Итакъ кто во имя Господне заботится объ укрѣпленіи города, тотъ подлинно приготовляетъ безопасность гражданамъ. А кто безъ благодати Божіей старается устроить укрѣпленіе городу, тотъ, кажется, по примѣру лисицъ приготовляетъ себѣ яму для логовища.... Итакъ, братіе, вооружимъ себя въ теченіе этой недѣли постомъ, молитвою и бдѣніемъ, чтобы, привлекиши милосердіе Божіе, мы могли отвратить отъ себя свирѣпость варваровъ¹⁾.

Послѣдуемъ далѣе за нашимъ проповѣдникомъ.

Тяжкіе дни, переживаемые народомъ, и напасти, висѣвшія надъ его головою, побудили проповѣдника взвѣсить значеніе здѣшней земной жизни и указать достоинство того, чѣмъ она даритъ насъ. И вотъ онъ ведетъ съ своими слушателями рѣчь²⁾ о томъ, что здѣшняя жизнь вся переполнена

¹⁾ Patrol. cursus compl. T. I.VII. Hom. LXXXVII. p. 451—2.

²⁾ Hom. LXXXVIII. p. 454—6.

разными напастями, и нѣтъ въ ней никакого успокоенія. Когда представишь себѣ всю кучу горькаго опыта, изъ какой слагается жизнь наша, невольно подумаешь, что смерть для насъ лѣкарство, спасеніе, а не наказаніе. И такъ кратко ее Богъ сдѣлалъ какъ бы нарочно для того, чтобы тяготы ея не слишкомъ долго удручали насъ. Пока мы живемъ въ этой плоти, мы окружены искушеніями и служимъ постоянно добычею духовныхъ разбойниковъ, хотя въ этой жизни еще много разбойниковъ и плотскихъ, какими являются варвары.

Но что же за утѣшеніе въ такихъ представленіяхъ счастному народу, со дня на день ждущему опустошенія и смерти? Проповѣдникъ хочетъ внушить ими своимъ слушателямъ, чтобы они не слишкомъ жалѣли о той жизни, съ которою скоро могутъ разстаться, и которая такъ полна всякихъ трудовъ и напастей. Съ другой стороны онъ хочетъ обратить ихъ вниманіе на враговъ духовныхъ, и ихъ советуетъ бояться, а не тѣхъ враговъ, о которыхъ съ такою трепетомъ всѣ говорятъ и дома и на улицахъ. Эти враги не могутъ нанести имъ существеннаго вреда: хотя они могутъ похитить имѣніе, но не могутъ похитить правды; если они могутъ отнять серебро, то не могутъ отнять Спасителя. Кто имѣетъ Христа съ собою, тотъ не убоится врага-человѣка. Что можетъ сдѣлать мудрому врагъ-человѣкъ? Отниметъ

¹⁾ До этой мысли авторъ доходитъ посредствомъ нѣкоторой игры словъ. Онъ приводитъ изреченіе Іова: *не искушеніе ли житіе человеку на землѣ*. Читаетъ его по латинскому переводу: *Piraterium est vita hominis super terram* (Іов. VII). «Это значитъ (говоритъ онъ) или то, что люди въ этой жизни испытываютъ всякое зло; ибо *piraterium* по латини можетъ переводиться словомъ *experimentum*; или *piraterium* называется наша жизнь потому, что въ этой жизни дѣволъ, какъ пиратъ, свирѣпствуетъ вокругъ людей; ибо *piraterium* есть жилище пиратовъ. Итакъ доколѣ мы въ этой плоти подлежимъ нападенію духовныхъ разбойниковъ, мы живемъ въ этомъ жилищѣ пиратовъ».

скоть? Угонить стада и табуны лошадей и т. под.? Но не убойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить (Матѣ. X). Бойтесь тѣхъ, которые убиваютъ не только тѣла, но и души, и стараются отнять не столько золото міра, сколько золото вѣры.

За этимъ назиданіемъ слѣдуетъ обличеніе, которое ведетъ насъ въ дома туринцевъ и указываетъ намъ ихъ обычаи и повѣрья, ихъ средства, какими они думаютъ располагать въ интересѣ самозащиты. Отчаявшись въ успѣхѣ естественныхъ способовъ защиты, они въ напасти прибѣгаютъ къ волшебству, волшебными средствами хотятъ побѣдить враговъ, и на нихъ надѣются болѣе, чѣмъ на что либо другое. Мы не знаемъ, въ чемъ состояли эти волшебныя искусства, при помощи которыхъ они надѣялись избѣжать бѣды. Максимъ не говоритъ объ этомъ, а только укоряетъ ихъ, что «они потерявъ надежду на Бога, просятъ побѣды у демоновъ; жалкіе люди не знаютъ, что дѣлаютъ, что говорятъ. Боясь за свои имѣнія, они забыли благочестіе и вѣру, и если, можетъ быть, не потеряютъ имѣній, то уже потеряли свои души, что гораздо вѣрнѣе». Проповѣдникъ приглашаетъ своихъ слушателей положиться на Бога, отъ котораго мы получаемъ столько благъ: почему намъ не снести и бѣдствія, если Богу угодно испытать имъ насъ? Затѣмъ онъ выражаетъ скорбь свою о томъ, что они живутъ не такъ, какъ онъ увѣщаетъ ихъ. «Часто говорилъ я вамъ, чтобы въ теченіе этой краткой жизни вы заботились о жизни вѣчной, и скорблю о томъ, почему вы не хотите этого дѣлать. Когда мы говоримъ, что нужно поститься,—за исключеніемъ немногихъ, никто не постится; когда увѣщаемъ творить милостыню, скупость больше васъ заражаетъ. А того, чтобы молиться и благодарить Бога, я думаю, многіе изъ васъ и не знаютъ; вставши на разсвѣтѣ, они думаютъ уже объ обѣдѣ, а пообедавши предаются сну,

не воздавши благодаренія Божеству, которое имъ даетъ и обѣдъ для возобновленія силъ и сонъ для успокоенія...».

Къ четвертому воскресенью стихли слухи о врагѣ, и Максимъ находитъ возможнымъ въ своей проповѣди развивать матерію, не имѣющую непосредственнаго отношенія къ общественному бѣдствію, ожидаемому его слушателями. Онъ говоритъ ¹⁾ о томъ, чего коснулся въ проповѣди предыдущаго воскресенья, именно—что намъ, получающимъ такъ много благодѣній и даровъ отъ Бога, Творца и Искупителя, нужно постоянно благодарить Его, какъ дѣтямъ, любящимъ своего небеснаго Отца, какъ рабамъ, чтущимъ своего господина,— благодарить утромъ, вставая съ постели, за то, что Онъ охранялъ насъ спящихъ и во время сна не могущихъ бдѣть надъ своею безопасностію, благодарить вечеромъ за то, что Онъ поддерживалъ насъ во время дня и увѣнчалъ успѣхомъ труды наши, благодарить предъ обѣдомъ и послѣ обѣда за то, что Онъ даетъ намъ хлѣбъ нашъ насущный. Не одни разсудочныя основанія въ этомъ случаѣ служатъ у него средствами убѣжденія, но и примѣры, взятые изъ широкой книги природы, и эти примѣры выражены у него съ такою сладостію и симпатією, что невольно трогаютъ сердце. Онъ указываетъ на то, что и маленькія птички, лишь только забрезжится заря, предвѣщающая наступающій день, прежде чѣмъ оставить свои гнѣзда, начинаютъ въ нихъ пріятно щебетать, и въ этомъ усердномъ щебетаніи онъ научаетъ видѣть сладкую благодарность Творцу отъ тѣхъ, которые не могутъ выразить этой благодарности словомъ. Тоже самое онъ видитъ въ ихъ щебетаніи и пѣніи по прошествіи дня, когда они садятся въ свои жилища. «Что значить еще (спрашиваетъ онъ) это частое пѣніе, повторяемое чрезъ краткіе промежутки времени,

¹⁾ Ном. I XXXIX. р. 457—8.

если не усиленное выраженіе благодарности Богу за ту дешевую земную пищу, какую они находятъ?» Онъ вспоминаетъ еще о невинной овцѣ, какъ она ласкается около своего пастуха, пекущагося о ней и охраняющаго ее, не могши выразить словомъ своей благодарности. «Итакъ, возлюбленный братъ, подражай этимъ маленькимъ птичкамъ, утромъ и вечеромъ возносящимъ хвалу и благодарность Богу; а если хочешь быть усердѣе, подражай соловью, которому не достаточно дня для выраженія хвалы, и который потому неустаннымъ пѣніемъ оглашаетъ ночное время..»

Мы боимся дѣлать выписки изъ проповѣдей Максима. Ихъ набралось бы у насъ безъ мѣры и числа, если бы мы захотѣли представлять все то, что можетъ нравиться читателю по сердечности и искренности тона, по практичности и важности предмета и мѣткости его изображенія. Насъ или нашего слова ждуть еще многія историческія видоизмѣненія въ жизни туринцевъ, въ вѣкъ страшнаго нашествія варваровъ. Эти варвары, чрезъ мѣсяць послѣ ихъ появленія на границахъ Италіи, не удалились изъ ея предѣловъ, а рѣшились проникать за нихъ все далѣе и далѣе. Туча явилась ближе, и уже вблизи слышны раскаты грома. Сograждане Максима сначала обращаются къ сильнымъ сосѣдямъ, и у нихъ просятъ помощи. Но какова помощь отъ тѣхъ, которые или далеко или въ безнадежномъ страхѣ отъ нахлынувшей орды, успѣвшей пріобрѣсть славу непобѣдимости? И вотъ туринцы начинаютъ оставлять городъ, везутъ изъ него или прячутъ въ землѣ свое имѣніе, и болѣе или менѣе многочисленными партіями выходятъ изъ города, сами не зная, куда,—кто въ лѣса, а кто въ другіе города, которые представлялись болѣе безопасными отъ нападеній врага. Въ такихъ обстоятельствахъ Максимъ говорить два слова о ниневитянахъ, сказанныя тоже въ два воскресенья, слѣдующія одно за другимъ.

Бесѣды эти называются бесѣдами о ниневитянахъ потому, что въ нихъ проповѣдникъ своимъ смущеннымъ слушателямъ, ждущимъ себѣ неминуемой опасности отъ страшнаго врага, указываетъ на назидательный примѣръ жителей города Ниневіи, осужденнаго Богомъ на казнь, отвратившихъ праведный гнѣвъ Божій постомъ, покаяніемъ и молитвою, и этимъ примѣромъ хочетъ уяснить Турину лучшія средства къ умиловленію грознаго правосудія Божія и къ огражденію чрезъ то собственной безопасности. Проповѣдь довольно подробно разбираетъ замѣчательный эпизодъ изъ исторіи Ниневіи: предъ проповѣдникомъ стоялъ вопросъ о томъ, какъ избавиться отъ бѣды, висѣщей надъ головами его паствы, и онъ, раскрывая книгу Іоны (III) говоритъ, что было время, что когда-то великому городу Ниневіи возвѣщено было пророкомъ отъ Бога скорое разрушеніе; опасность была явная и, повидимому, неминуемая; но жители Ниневіи тамъ рѣшились искать лѣкарства, откуда вышла погибель, и гнѣвъ Божій, со страхомъ вѣры, но не отчаянія, возымѣли дерзновеніе укротить устраненіемъ того, что привлекло его. Они отказались отъ роскошныхъ и пьянственныхъ пировъ и наложили на себя строгій постъ; вмѣсто любочестія и гордости покрыли себя смиреніемъ. Самъ царь, во время грозящей напасти, сложилъ съ себя царскую одежду, одѣлся въ власяницу и вретище и забылъ свое величіе и могущество тамъ, гдѣ позналъ могущество Божіе. Подвигъ покаянія и поста онъ налагаетъ не только на тѣхъ, которые явно могли прогнѣвить Бога, но на всѣхъ безъ исключенія: по его слову и приказанію, постятся не только старые и взрослые, но и невинные младенцы, не только люди, но и скоты. И что же? Побѣждавшій непріятелей силою и храбростію, Бога побѣдилъ смиреніемъ, и противъ напасти приготовилъ войско, вооруженное не мечами и копьями, но однимъ благочестіемъ. Это благочестивое войско

явилось въ такомъ числѣ, какого не можетъ достигнуть войско обыкновенное; потому что и младенцы призваны сражаться тѣмъ оружіемъ, какимъ снабжено оно. Благочестіе нарочито прибѣгло къ этому увеличенію войска: ему казалось недостаточнымъ для умиловленія Бога покаяніе грѣшниковъ: оно хотѣло, чтобы за грѣхи старцевъ умоляла невинность младенцевъ, и чтобы юность чужими слезами омыла свои преступленія. И Ниневія была спасена, не смотря на рѣшительно и ясно возвыщенную волю прогнѣваннаго правосудія. «Всякій знаетъ, что все это сдѣлалось въ наше назиданіе; чтобы мы прибѣгали къ тѣмъ же средствамъ всякій разъ, когда подвергаемся напасть; и вотъ, когда врагъ угрожаетъ, Непріятель вблизи, будемъ поститься и—побѣдимъ. Иные люди, когда терпятъ тяжкую нужду, обыкновенно отправляютъ пословъ къ ближайшимъ народамъ за помощію. А мы, что гораздо лучше, снарядимъ посольство къ Богу, наложивъ на себя постъ; у Него будемъ просить помощи; къ Нему обратимся сердцемъ и молитвою; ибо они (ниневитяне) не отъинуды умоляя испросили себѣ помощи, но нашли ее постясь въ своемъ собственномъ сердцѣ. Для чего просить у другаго тому, кто можетъ найти у себя самого то, чего ищетъ? Чѣмъ ближе мы будемъ къ Богу, тѣмъ дальше отъ насъ будутъ враги наши. Итакъ нужно намъ какъ можно болѣе приблизиться къ Богу; пророкъ говоритъ: *вотъ, которые удаляются отъ тебя, погибнутъ* (Псал.). А если тѣ, которые далеко отъ Бога, погибнутъ, то, значитъ, спасутся тѣ, которые близъ Его. Но мы не можемъ быть близкими къ Богу, если не приблизимся къ Нему постомъ, молитвою и милостынею. Ибо Богъ Самъ милосердъ и святъ, и потому кто хочетъ быть близкимъ къ Богу, тотъ долженъ подражать тому, что указывается намъ въ Богѣ».

Видно, въ Туринѣ не всѣ выполняли постъ, наложенный церковію и епископомъ въ тяжелые дни. И потому Максимъ, упомянувши о постѣ, какой несли ниневитяне цѣлымъ городомъ, всѣ, и старый и малый, даже не только люди, но и скоты, довольно рѣзко укоряетъ своихъ слушателей въ томъ, что они не хотятъ подражать спасенному городу.

«Братіе возлюбленные, переживая тяжелое время, мы всѣ равно должны поститься, и воздержаніемъ всѣхъ умолять милосердіе Божіе. Ибо каково это, что христіанинъ за спасеніе свое не дѣлаетъ того, что сдѣлали скоты за спасеніе людей? Или не разумнѣе скота тотъ, кто не постится постомъ, какой для него же, для его же спасенія назначилъ священникъ; и не скотъ ли тотъ, кто не понимаетъ, что ему угрожаетъ, и какая бѣда виситъ надъ нимъ? Да и скотъ видя обходить рвы, избѣгаетъ стремнины. А ты не хочешь постомъ отвратить опасность, которую видишь. Это—выраженіе отчаянія, что ты предаешься объяденію въ то время, когда ты долженъ бы хранить воздержаніе, радуешься тогда, когда ты долженъ бы плакать. Объ этомъ отчаяніи, которое да отвратить отъ насъ Богъ, говоритъ апостолъ: *да ямы и пѣмы; утрѣ бо умремъ* (Кор. XV, 32). Итакъ, братіе, будемъ поститься безпрестанно, чтобы побѣдить враговъ своихъ молитвою и воздержаніемъ при помощи Господа нашего, Который со Отцемъ и Святымъ Духомъ живетъ и царствуетъ во вѣки вѣковъ» ¹⁾.

Второе слово о ниневитянахъ (Homilia XII) сказано въ такое время, когда опасность, казалось, была ближе всего къ городу Турину; жителей объялъ панический страхъ, ихъ отчаяніе достигло самой высшей степени, и они оставляли свои дома и разбѣгались въ разные стороны. Когда въ городѣ

¹⁾ Ном. XC, р. 461—2.

всѣ потеряли присутствіе духа, храниль вѣру и надежду на Бога и чрезъ то мужественную бодрость мудрый архипастырь Турина, и видъ унынія, распространявшагося въ городѣ, болѣзненно поражалъ его сердце. Онъ хотѣлъ поднять упавшій духъ согражданъ находящимся у него въ рукахъ средствами, и изъ устъ его слышится учительное слово, пересыпанное укоромъ и обличеніемъ.

«...Чѣмъ ближе была гибель, предвозвѣщенная *городу Ниневіи*, тѣмъ болѣе *жители его* вооружались благочестивыми дѣлами; они не покинули своего города, которому грозило разрушеніе, но нарочито остались въ немъ, чтобы молитвами гражданъ спасся городъ, потрясенный ихъ грѣхами, и чтобы смиренное благочестіе принесло спасеніе тому мѣсту, на которое призывало гибель худое поведеніе. Ибо справедливо было, чтобы *городъ въ тѣхъ же людяхъ* нашелъ защитниковъ, которыхъ терпѣлъ, какъ грѣшниковъ. Городу ничто, кромѣ грѣховъ гражданъ, не готовитъ разрушенія. Итакъ перестань грѣшить, и городъ не погибнетъ. Что бѣжишь изъ отечества? Если хочешь быть безопасенъ, избѣгай лучше своихъ грѣховъ. Если ты перестанешь грѣшить, непріятель побѣжденъ. Божественное писаніе говоритъ Аврааму, что можетъ быть спасено отечество изъ-за десяти праведниковъ. Итакъ если праведники спасаютъ отечество, то по-истинѣ не праведники тѣ, которые оставляютъ его, и если тѣ своимъ присутствіемъ привлекаютъ благодать Божию, то эти своимъ бѣгствомъ причиняютъ опустошеніе. Тотъ подлинно не хорошій и нечестивый сынъ, который оставляетъ мать свою въ опасности. Ибо нѣкоторымъ образомъ любезная мать *для тебя* родина: она тебя родила, она тебя воспитала; она дала тебѣ богатство, которое тебѣ даетъ возможность бѣжать. Если бы она не доставила тебѣ хорошаго имѣнія, ты не имѣлъ бы средствъ для бѣгства, и когда, руководимый корыстію, ты

боишься потерять свои богатства, ты не задумываясь становишься безчестнымъ по отношенію къ своей матери. Отсюда мы видимъ, что ты больше заботишься о своихъ деньгахъ чѣмъ о своемъ спасеніи. Скажи мнѣ, добрый гражданинъ, за чѣмъ ты располагаешь бѣжать? За чѣмъ оставляешь отечество? Можетъ быть, боишься плѣна? Но того не знаешь, что это-то и есть первый плѣнъ—не видѣть отечества, и хуже всякаго зла—нести ссылку и странствовать по чужимъ странамъ, когда кругомъ непріятель. Обыкновенно за какое либо преступленіе налагается *на человека* такое наказаніе, что его изгоняютъ изъ отечества и ссылаютъ въ чужія знакомыя страны. А ты добровольно ищешь того, что другимъ обыкновенно присуждается въ наказаніе. Но положимъ, ты храбраго духа, и равнодушно можешь сносить тягостное странствованіе. Но скажи мнѣ, какъ ты будешь жить между чужими? Когда ты начнешь говорить, не возражать ли тебѣ откуда явился этотъ изгнанникъ или бѣглець? И не хочешь ли онъ также утѣснять нашъ городъ, какъ утѣснялъ свою родину? И придешь ты въ такое смущеніе, что будешь бояться свою свободу и вольность, будешь опасаться, найдешь тамъ защитника своему благородству, т. е., будутъ ли тамъ тебя уважать, какъ благороднаго и свободнорожденнаго человека. Повѣрь мнѣ, въ чужомъ отечествѣ ты услышишь много такого, что на своей родинѣ часто говорилъ другимъ. Я не хочу говорить о томъ, что хотя въ своемъ отечествѣ и богатъ и наслаждаешься довольствомъ, тотчасъ какъ выйдешь изъ своего дома, сдѣлаешься и бѣденъ и нищъ. Богъ сказалъ Аврааму, что изъ-за десяти праведниковъ можетъ спасти городъ. Потому худо думаешь ты о себѣ, народъ христіанскій, если не вѣришь, чтобы въ такомъ большомъ городѣ, какъ нашъ, не нашлось десяти праведниковъ для его спасенія. Ибо когда ты оставляешь отечество, ты тѣмъ самымъ шу-

знаешь, что въ немъ нѣтъ достойныхъ, по заслугамъ которыхъ оно освободилось бы *отъ бѣды*. Но я опасаюсь, какъ бы не оказался неправедникомъ одинъ ты, который оставляешь городъ, когда въ немъ остаются всѣ праведные. Я не хочу еще, чтобы ты смущался числомъ десяти праведниковъ. Мы читаемъ, что при гибели Содома одинъ Лотъ заслугами своими спасъ городъ, и что добродѣтель одного больше содѣйствовала спасенію его, чѣмъ грѣхи многихъ погибли. По выходѣ его изъ Содома малый Сигоръ уступается ему въ убѣжище. Если городъ, предназначенный къ гибели, дарится праведному пришельцу, то не тѣмъ ли болѣе сохранится родина для ея собственнаго жителя» ¹⁾?

Эта проповѣдь сказана Максимомъ въ самое тяжелое время для его паствы. Опасность не миновала съ-разу; но она постепенно теряла свое жгучее свойство, и жители начали возстановлять нарушенное спокойствіе духа. Богъ очевидно спасалъ городъ, въ которомъ былъ духовнымъ вождемъ народа нашъ проповѣдникъ; его вѣра оправдывалась, и его надежда становилась общимъ благодатнымъ достояніемъ его паствы. Въ это время уменьшенія опасности Максимъ не оставилъ такъ ревностно и мудро веденнаго имъ дѣла, но до конца стоялъ на стражѣ у дорогой для него ограды церковной. Въ такихъ обстоятельствахъ имъ сказаны были два слова объ Елиссеѣ. Шумъ бранный еще отражается въ нихъ, особенно въ первомъ словѣ. Но уже нѣтъ здѣсь яснаго намека на ту тревогу, которая, овладѣвъ Туриномъ, сквозить въ словахъ проповѣдника, наставляющаго, ободряющаго и обличающаго свою паству. Слова объ Елиссеѣ говорятъ уже другому чувству, чувству успокоенія, и въ нихъ проповѣдникъ хочетъ какъ бы дать отчетъ въ тѣхъ средствахъ, какими спасся его

¹⁾ Patrol. cursus compl. T. LVII. p. 462—4. Hom. XCI.

городъ отъ опустошенія, казавшагося такъ близкимъ и минуемымъ. Надежда на Бога и силу добродѣтели, прежде только внушаемая проповѣдникомъ, теперь становилась дѣйствительною, оправданною, и церковная бесѣда его уже рещительнѣе говорить, что не нужно бояться враговъ тому, кто боится Бога, и что Богъ для спасенія близкихъ и вѣрныхъ посылаетъ ангеловъ и воинства небесныя, которыхъ видятъ богопросвѣщенныя очи избранниковъ Господнихъ. Эти воинства, невидимыя обыкновенными людьми, доселѣ хранили и сохраняли до конца городъ, вооружившійся постомъ, молитвою и милостынею; предъ ними мало и слабо всякое самонадѣнное войско земное. Тутъ-то назидательнымъ примѣромъ и является исторія пророка Божія Елисея, спасающаго и спасающаго Израиля отъ нападеній сирійскаго царя.

«Помню, что я часто говорилъ вамъ (такъ начиналъ свое слово Максимъ), что мы ни мало не должны бояться этихъ военныхъ тревогъ, ни утруждаться какого бы то ни было множества враговъ, потому что говоритъ Господь: *боязнь моя, иже въ насъ, нежели иже въ мѣръ* (1 Иоан. IV, 4). Это значитъ, Христосъ могущественнѣе въ защитѣ своихъ рабовъ, нежели діаволъ въ возбужденіи враговъ. Какія силы діаволъ ни собралъ себѣ толпы, и какимъ бы то ни вооружалъ ихъ неистовствомъ, всѣ козни его легко разрушаются; потому что Господь окружаетъ народъ свой сильнѣйшею помощію. Ибо пророкъ говоритъ: *ополчится ангелъ Господень окрест боящихся Его, и избавитъ ихъ* (Псал. XXXIII, 8). Если ангелъ Господень избавляетъ отъ опасностей боящихся Господа, то не можетъ бояться варвара тотъ, кто боится Спасителя, не можетъ бояться нападеній и ярости врага тотъ, кто сохраняетъ заповѣди Христовы. Заповѣди Христовы для христіанъ самое надежное оружіе, и страхъ Божій отгоняетъ отъ насъ страхъ вражескій.... Такъ Елисей пророкъ, когда хотѣлъ

плѣнить его царь сирійскій и покорить своей власти, не убоился и не смутился, но сказалъ отроку, возвѣстившему о томъ, что вражеская сила въ огромномъ числѣ обступила городъ: *не бойся, яко множае иже съ нами, нежели съ ними* (4 Цар. VI, 16). О вѣра святаго пророка! Онъ не боится враговъ, которыхъ видить; потому что знаетъ, что съ нимъ ангелы, въ которыхъ вѣритъ; онъ не устранился земной засады, потому что увѣренъ былъ, что съ нимъ небесная помощь. *Множае иже съ нами, нежели съ ними*. Удивительное дѣло! Святость призываетъ больше защитниковъ съ неба, нежели сколько нападающихъ привело нечестіе. *Множае иже съ нами, нежели съ ними*. Видите силу добродѣтели».

Назидательнымъ примѣромъ Елисея проповѣдникъ пользуется не для того только, чтобы указать лучшія нравственныя средства къ спасенію отъ враговъ, но въ частности для того, чтобы увѣрить своихъ слушателей въ дѣйствительности небесной помощи, ниспосылаемой людямъ, хотя бы эта помощь не видна была для чувственного глаза. Это онъ направляетъ къ обстоятельствамъ своего времени и своего города, и небесной помощи приписываетъ избавленіе Турина отъ того страшнаго опустошенія, какое ему угрожало и какое постигло другіе сосѣдніе города. Если люди наглядно не видѣли этого небеснаго заступленія, чудесныхъ воинствъ и оружій, которыя охраняли прибѣгшихъ къ Богу гражданъ, то это не должно поселять ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности факта, и не служить ни малѣйшимъ возраженіемъ противъ него. Это просто объясняется слѣпотою нашего духа по отношенію къ божественнымъ вещамъ и дѣйствіямъ, и еслибы нашелся между гражданами охраняемаго города провидецъ Божій, онъ вразумилъ бы слѣпотствующую массу точно также, какъ пророкъ Божій Елисей вразумилъ устрешеннаго отрока, по молитвѣ уяснивши для него тайну божественной охраны. «Пророкъ

(говорить Максимъ) возвѣщаетъ о множествѣ *охраняющихъ*, когда отрокъ не имѣлъ надежды на спасеніе. Какъ большіе плотскихъ видятъ духовные глаза! Одинъ видитъ большое число вооруженныхъ ратниковъ, а другой не видитъ являющейся защиты. Какъ велико божественное милосердіе! Ниспосылается людямъ благодѣяніе, и его не видятъ: люди, находящіеся въ опасности, получаютъ помощь,—и не знаютъ о немъ. Любовь Спасителя такъ устрояетъ наши дѣла, что Онъ помогаетъ нашему спасенію, и между тѣмъ не открываетъ Себя для взоровъ; мы чувствуемъ Его благодѣянія, но не видимъ Его глазами. Посему заблуждается тотъ, кто думаетъ, что онъ своею силою дѣйствовалъ, когда совершилъ что либо удачно. Нужно помнить, что враги побѣждаются большею добродѣтелію, чѣмъ внѣшнею силою, и одолеваются не столько храбростію, сколько святостію; такъ напримѣръ св. Елисей побѣдилъ враговъ своихъ не оружіемъ, но молитвою. Когда онъ говорилъ своему служителю для прогнанія его страхъ, что съ ними больше защитниковъ, чѣмъ *сколько нападающихъ* и не могъ тѣмъ уничтожить его страха, тогда онъ помолился Господу, говоря: *Господи, отверзи нынѣ очи отрока, да узритъ. И отверзе Господь очи его, и видѣ: и се гора исполненная коней и колесница огненна окрестъ Елисея* (4 Цар. VI, 17). И такъ молитва пророка открыла глаза отрока, «чтобы онъ видѣлъ войско, охраняющее ихъ». Упомянувши еще о томъ, какъ молитва Елисея поразила слѣпотою все непріятельское войско, проповѣдникъ спрашиваетъ: «гдѣ тѣ, которые говорятъ, что оружіе людей больше значить, чѣмъ молитвы святыхъ? Вотъ одна молитва Елисея поразила цѣлое войско, и по заслугамъ одного пророка приводится въ плѣнъ всѣхъ конище враговъ. Какое войско одержало такую побѣду, что враги поражены такъ, что никто не палъ изъ пораженныхъ»

*

ихъ? Это и есть истинная, безкровная побѣда, гдѣ непріятель такъ побѣжденъ, что изъ побѣдившихъ никто не раненъ» ¹⁾.

Итакъ городъ, гдѣ былъ архипастыремъ св. Максимъ, спасенъ былъ отъ угрожавшаго ему несчастія. Много малодушія и робости во дни скорби показали его жители. Но въ то время, какъ они теряли присутствіе духа и близки были къ отчаянію, не поддався объявившей всѣхъ паникѣ бодрый и умный пастырь. Онъ неутомимо ратовалъ словомъ назиданія къ возбужденію надежды на Бога и къ утвержденію въ своей паствѣ благочестиваго и покаяннаго, но въ то же время бодрого и спокойнаго настроенія. Онъ постоянно указывалъ на духовныя оружія, которыми укрѣпляются и защищаются города и побѣждаются враги. Слово его дѣйствовало на гражданъ Турина; по его совѣту и настоянію, они постились и молились, творили милостыню и налагали на себя особенные подвиги религіознаго благоговѣнія. И Богъ защитилъ ихъ отъ страшнаго врага. Надъ нимъ одержана побѣда, не стойвшая туринцамъ ни одной капли крови. Онъ случайно занемогъ и долженъ былъ прекратить свои опустошительныя набѣги на беззащитные города и села отдаленнаго запада. Теперь оставалось торжествовать и благодарить Бога,—возстановлять и укрѣплять потрясенное грозою, и не переставать питать въ себѣ тотъ духъ благочестія, который оказался въ несчастіи надежнѣе и дѣйственнѣе внѣшнихъ средствъ защиты. Но не къ одному торжеству, не къ одному прославленію Бога Спасителя пришлось приглашать св. Максиму свою паству. Паства его оказалась легкомысленною и не твердою въ благочестіи: по минованіи напасти, она забыла то, что дало ей силу и крѣпость, и возвращалась на тѣ пути нравственнаго паденія, которые привели было ее къ опустошенію, рабству и смерти.

¹⁾ Ном. ХСII, р. 463—466.

У заботливаго архипастыря новая скорбь. Изъ устъ его слышится не только торжественная похвала Богу, но опять слово укора и обличенія.

Туринцы не дали возможности излиться хвалебному слезному торжеству со стороны своего попечительнаго пастыря. И когда до насъ это слово, то оно является слишкомъ милосерднымъ отголоскомъ отъ того тяжелаго времени, и не Туринцамъ пришлось услышать это торжественное слово. Бѣдствіе спасительнѣе подѣйствовало на тѣхъ, которые дѣйствительно перенесли его, нежели на тѣхъ, которымъ оно только угрожаетъ. Въ Медиоланѣ или Миланѣ св. Максимъ явился провозвѣстникомъ славы Божіей, возбуждающимъ въ своихъ слушателяхъ благодарное чувство къ Господу, какъ наказующему и возстановляющему. Этотъ городъ испыталъ опустошительное нашествіе страшныхъ варваровъ; его дома и церкви были разрушены, жители спасались бѣгствомъ изъ города, достигая врагамъ, никого и ничего не щадящимъ. Тамъ былъ свой епископъ Евсеій, который вмѣстѣ съ людьми своего паства долженъ былъ въ крайности бѣжать изъ своего города, чтобы не сдѣлаться жертвою свирѣлости враговъ. Максимъ, епископа сосѣдней области, пригласили въ Миланъ, когда онъ началъ оживать послѣ опустошенія и разрушенія, когда въ него начали сходиться разбѣжавшіеся прежде жители, когда въ немъ начали возобновляться и отстраиваться разрушенныя зданія. Свое возстановленіе Миланъ рѣшилъ ознаменовать особеннымъ религіознымъ торжествомъ, на которое онъ приглашалъ людей, близкихъ къ нему и имѣвшихъ въ немъ добрую славу. Это торжество было по случаю возстановленія медиоланской церкви, и это торжество медиоланскаго паства хотѣла украсить присутствіемъ епископа, славнаго за предѣлами своей епархіи и такъ сильно и разумно рававшего на стражѣ своего города, угрожаемаго непріателемъ.

На этомъ-то торжествѣ св. Максимъ сказалъ слово, въ которомъ выражены чувства, наполнявшія его современниковъ послѣ того, какъ Аттила оставилъ предѣлы Италіи.

Созиданіе и возобновленіе церквей въ древнія времена, когда христіанство окружено было врагами и только стремилося къ признанію своихъ правъ со стороны гражданскаго общества и къ видимой побѣдѣ надъ препятствіями, было болѣе радостнымъ явленіемъ, чѣмъ въ наши дни, когда христіанство исповѣдуется всѣми безпрепятственно. Тогда это созиданіе церквей служило свидѣтельствомъ начинающагося торжества христіанства. Виѣщнее великолѣпіе, рѣдкое во времена гоненій на церковь Христову, если являлось въ храмѣ, созданномъ на площади многолюднаго какого либо города, наполняло исповѣдниковъ христіанства несказанною радостію; потому что отсюда они видѣли, что Господь изводитъ ихъ изъ прежней тѣсноты и бѣдности, что на ихъ сторонѣ становится и богатство и знатность, и что ихъ вѣра не должна болѣе укрываться въ пещеры и катакомбы для совершенія служенія Богу, но публично, предъ глазами всѣхъ заявляетъ свою силу и значеніе. Отъ того понятна та радостная торжественность, съ какою совершалось христіанами освященіе церквей. Кромѣ молитвъ и пѣспопѣній здѣсь открывалось поприще для ораторскаго слова. Слово Евсевія кесарійскаго, сказанное имъ при освященіи церкви въ Тирѣ (320 г.), служить первымъ, дошедшимъ до насъ, памятникомъ этихъ рѣчей на освященіе церкви. Въ воспоминаніе радостнаго событія устанавливались ежегодныя торжества, на которыхъ славили Бога, даровавшаго христіанамъ видимое знаменіе своего покровительства, и на этихъ торжествахъ не только молились и славословили Господа, но и говорили поученія. Вѣкъ св. Максима туринаскаго уже отдаленъ былъ нѣсколько отъ прежняго вѣка гоненій, но еще въ силѣ и при немъ были преж-

ніе обычаи. Такимъ образомъ въ силу двойнаго побужде
явилось въ Медіоланѣ торжество, на которомъ приглашенъ
епископъ туринскій, въ своей церковной бесѣдѣ, исповѣда
славу и величіе Божіе и воздалъ честь терпѣнію людей,
стигнутыхъ несчастіемъ.

Къ мысли о справедливой строгости и снисходительн
любви Божіей проповѣдникъ обращаетъ сердца народа, оц
вляющагося отъ несчастія. «Какъ Творецъ и Господь на
Онъ наказываетъ за грѣхи своихъ тварей и рабовъ, но ка
Отецъ Онъ утѣшаетъ въ печали чадъ своихъ... Какъ всем
гущій Богъ, Онъ подвергъ эту церковь гнѣву оплакиваем
опустошенія, и какъ милосердый Отецъ Онъ доставляетъ
желанное возстановленіе. Чтобы показать, что въ послѣду
щія времена Онъ возстановитъ видъ этого города, какъ тѣ.
воскресшаго послѣ смерти, Онъ прежде всего возстановляе
церковь свою, которая есть какъ бы глава городу. Кто си
собствовалъ оживленію пораженной главы, тотъ, если зас
жимъ, поможетъ возстать лежащимъ членамъ этой главы. Ка
можно сомнѣваться, что Богъ можетъ возобновить земн
хижины тѣхъ, которымъ, если они справедливо будутъ вѣр
вать и жить, Онъ обѣщалъ дать на небѣ блаженные и
тлѣнныя обители? Итакъ будемъ увѣрены, что Богъ возс
новитъ намъ то, что наше, если мы въ себѣ возстанови
то, что Божіе... Во время самаго несчастія, которое мы одна
были въ состояніи перенести, при снисходительности Божі
нѣкоторые неразумные говорили: погибъ этотъ городъ, ра
рушена цѣковь, и нѣтъ уже возможности жить въ немъ болѣ
Но это только побужденіе жить праведнѣе и благочестивѣ
потому что всемогущій Богъ, который всѣмъ управляетъ
любовію, предалъ въ руки враговъ не тотъ городъ, котор
въ васъ, но одни жилища, и Онъ не повелѣлъ пожару истр
бить ту церковь, которая по-истинѣ есть церковь, а по

етель за наше развращеніе, чтобы погибло отъ огня вмѣстѣ лище церкви. Всякій мудрый или вѣрный знаетъ, что въ народѣ городъ и въ людяхъ церковь. Поэтому, возлюбленные, вы представляете Богу нашему не брусъ и бревно, но себя—живую церковь; и чрезъ то вы дѣлаете цѣлымъ городъ. Вотъ по благодаренію любви Его, послѣ такого печальнаго опустошенія, цѣль и невредимъ предстоить его первосвященникъ, цѣль клиръ, и самъ народъ, хотя донинѣ живетъ подъ каждодневнымъ страхомъ и донинѣ еще печаленъ, однако пользуется свободою»... Проповѣдникъ съ особенною силою останавливается на томъ представленіи въ доказательствѣ божественнаго милосердія, что оно за наши грѣхи поражаетъ не насъ, а наши стада, наши храмы и дома и вообще наше виѣшнее достояніе, которое легко можно нажить и поправить. «Чтобы наши сердца обратились къ Богу и была сохранена жизнь наша, за насъ наказывается то, что или не имѣетъ чувства или не сознаетъ того, что оно живетъ. Какъ кротко это мщеніе, и какое отеческое при немъ снисхожденіе! Мы согрѣшили, и небо на скотъ изливаетъ гнѣвъ свой, мы заслужили пламя, а горитъ дерево, мы дѣлаемъ достойное казни, а за насъ камни подвергаются мщенію.... Кто не подивится такому распредѣленію гнѣва небеснаго и милости? Разрушены были стѣны, а беззащитные жители бѣжали и спасались отъ вооруженныхъ свирѣпыхъ враговъ, какъ быстрые всадники на тяжелыхъ повозкахъ, нагруженныхъ бременемъ робкихъ. И только нѣкоторымъ изъ клира и народа не было возможности или охоты бѣжать.... Но утѣшимся, братіе, и не будемъ болѣе плакать о томъ, что разрушены наши дома; потому что мы видимъ ихъ возобновленіе. Исполнилось видимымъ образомъ и въ насъ приказаніе Господа о рабѣ его Іовѣ, когда Онъ полагалъ предѣлъ преслѣдованія діаволу, дѣйствовавшему противъ него: *се вся, елика суть ему, даю въ руку твою, но*

самаго да не коснешися (Иов. 1, 12)... Видите, возлюбленные, какъ Господь, щадя нашу слабость, умѣрилъ по отношенію къ намъ свое наказаніе, что по разрушеніи разныхъ городовъ, по опустошеніи полей, по разграбленіи имуществъ, не позволилъ коснуться ни душъ, ни тѣлъ нашихъ. Потому не усомнимся, что Богъ можетъ намъ и нашимъ потомкамъ возстановить все потерянное, когда мы видимъ, что Онъ вознаградилъ всѣмъ своего вѣрнаго раба Іова... Итакъ теперь этому блаженнѣйшему мужу и священнику Бога Вышняго Евсеію прилично воспѣть съ нами и за насъ эту Давидскую пѣснь: *Боже, животъ мой возвыстихъ Тебѣ: положилъ еси слезы моя предъ Тобою* (Псал. LV, 9). То есть, Господи, я Тебѣ исповѣдалъ грѣхи свои, и Ты не отказалъ мнѣ въ милосердіи своемъ. Я призналъ строгость Судящаго, я вижу милость Щадящаго. Скорби мои и печаль народа моего я оплакалъ среди странствованій, но радуюсь, что не презрѣны слезы мои къ Тебѣ. Ибо Ты, Господи, какъ говоритъ пророкъ, *обратилъ плачъ мой въ радость мнѣ* (Псал. XXIX, 12). Ты изгналъ меня оскорбленный, и уничиженный возвратилъ меня. Даже, вѣрнѣе сказать, Ты милостивый изгналъ меня, чтобы, оставаясь на мѣстѣ безразсудно, я не подпалъ бѣдствію плѣна. Я получилъ то, чего заслуживалъ. Итакъ вѣчной славѣ твоей я воздаю должную благодарность, за то, что сей святой домъ твой, который по нашимъ грѣхамъ разрушила ярость варварская, Ты удостоилъ возобновить чрезъ меня раба твоего, и разсѣянный народъ твой опять возвратилъ нынѣ предъ мои глаза.... и мы въ твое имя освящаемъ новое вмѣсто стараго, и какъ бы въ нѣкоторое знаменіе воскресенія храмъ сей воздвигнуть совершенно по образцу и виду прежняго храма... Итакъ сохрани, Господи, то, что совершилъ Ты чрезъ насъ. Умилосердись, Господи, пощади, Господи, спаси народъ и благослови наслѣдіе твое, чтобы, когда

оставишь Ты насъ, Боже нашъ, смѣющіеся надъ погибелію стада твоего языки не сказали, какъ говорили нѣкогда: *idn estъ Богъ ихъ* (Пс. LXXVIII) ¹⁾?..»

Чтоже видѣлъ въ Туринѣ его пастырь, приглашенный утѣшать разоренныхъ жителей сосѣднихъ городовъ? Бѣдствіе миновало его; оно удалялось и отъ предѣловъ всей страны италійской. Но слѣды опустошенія, произведеннаго варварскимъ нашествіемъ, видны были на каждомъ шагу. Многіе изъ сосѣднихъ единоплеменниковъ жителей Турина лишились всего своего имѣнія и не имѣли средствъ поправить свое разстроенное состояніе: у кого сгорѣлъ домъ, у кого угнаны стада, у кого попался въ плѣнъ сынъ или мужъ. Варвары удаляясь не могли взять съ собою награбленную добычу; они или бросали ее, или продавали за ничтожную цѣну ищущимъ ея. Людямъ, менѣе пострадавшимъ, каковы были жители Турина, надлежало своєю щедростію облегчать бѣдственное положеніе своихъ братьевъ, и всѣми возможными средствами помогать ихъ устроенію. Но не то оказалось на дѣлѣ: вмѣсто облегченія страданій ближняго многіе люди, владѣвшіе средствами, старались воспользоваться для своей выгоды чужою бѣдою, и покупая добычу, награбленную варварами, хотѣли умножить свое состояніе, вовсе не думая о благѣ и слезахъ тѣхъ лицъ, у которыхъ отнята насиліемъ эта добыча. Глубоко оскорбило туринскаго пастыря такое не христіанское и не человѣческое отношеніе его паствы къ чужому бѣдствію. Онъ всегда внушалъ ей любовь къ ближнимъ, готовую на самопожертвованія; а у нихъ основаніемъ дѣйствій является самое грубое своекорыстіе. Онъ проливалъ слезы, когда видѣлъ бѣдствіе разоренныхъ и ограбленныхъ варварами, а люди его паствы какъ будто радовались, что это бѣдствіе дастъ имъ

¹⁾ Patrologiae cursus completus. T. LVII. Rom. XCIV, p. 470—2.

легкую наживу. Онъ видѣлъ, что они трепетали отъ страха и приходили въ отчаяніе, когда гроза готова была разразиться надъ ихъ головою, и онъ утѣшалъ и ободрялъ ихъ тогда словомъ христіанской вѣры и надежды. Теперь, въ минованіи бѣды, они забыли страхъ и голосъ совѣсти заглушили беспорядочными требованіями корысти. При такомъ положеніи дѣла сколько новыхъ заботъ для пастыря! И како сильное побужденіе къ настоящему и рѣзкому слову! Это настоящее и хотя рѣзкое слово, но прикрытое мягкостію любви, выражено въ двухъ словахъ о корыстолюбіи и о томъ что написано въ дѣяніяхъ апостольскихъ (IV, 32): *бяху имъ вся обща*, и въ двухъ словахъ о милостыни (Ном. ХCV—ХCVIII). Эти четыре слова служатъ непосредственнымъ продолженіемъ бесѣды, вызванныхъ нашествіемъ Атилы, и показываютъ, чѣмъ ознаменовался заключительный періодъ этого несчастнаго эпизода исторіи Италіи V вѣка.

Проповѣдникъ въ первыхъ двухъ словахъ противопоставляетъ любовь и добродѣтели первенствующихъ христіан своекорыстію и отсутствію братскихъ отношеній между своими современниками. «Одинъ и тотъ же Христосъ въ насъ (говоритъ онъ), но не одинъ тотъ же въ насъ духъ; одна и та же вѣра въ народѣ, но не одна и та же щедрость. Многіи нынѣшніе христіане не только не удѣляютъ другимъ ничего своего, но еще похищаютъ чужое». Проповѣдникъ находитъ что Ананія, утаившій часть денегъ и за то осужденный апостоломъ Петромъ, выше современныхъ ему корыстолюбцевъ которые не часть только утаеваютъ, но все свое достояніе скрываютъ отъ другихъ, и не только свое скрываютъ, но отъ чужаго еще отнимаютъ. Въ другихъ двухъ словахъ проповѣдникъ, приводя многія мѣста св. Писанія, хвалитъ милосердіе, какъ источникъ спасенія; онъ развиваетъ слово Экклезіаста: *какъ вода истребляетъ огонь, такъ милостыня истре*

блаетъ грѣхъ, и сравниваетъ милостыню съ водою, оживляющею изсохшее, освѣжающею почти умершее, погашающею пламя грѣха. Онъ приводитъ слово Спасителя: *отъ сущихъ дадите милостыню: и се вся чиста вамъ будутъ* (Лук. XI, 41), и говоритъ, что хотя бы ты запятнанъ былъ многими преступленіями, ты получишь невинность, если будешь творить милостыню. Съ особенною настойчивостію онъ выставляетъ то, что милосердіе оmyваетъ тѣ нечистоты, какими оскверняетъ человѣка скупость, и погашаетъ то истребительное пламя, какое возжигаетъ корысть. Эту добродѣтель онъ сравниваетъ съ тою водою, о которой говорилъ Спаситель съ женою самарянскою, піющею отъ которой не будетъ чувствовать жажды (Іоан. IV). Но для насъ не столько важны эти общія соображенія, какими проповѣдникъ старался обратить къ милосердію свою проступившуюся паству, сколько частныя указанія на проявленія болѣзни, съ которою боролся туринскій архипастырь послѣ нашествія Аттілы. Въ этомъ отношеніи замѣчательно мѣсто въ 96-й бесѣдѣ, гдѣ проповѣдникъ изображеніемъ чужаго несчастія старается смягчить жестокое сердце корыстолюбивыхъ. «Корыстолюбивый (говоритъ проповѣдникъ) всегда пользуется чужимъ, чужимъ убыткомъ питаетъ себя; нужда другаго для него пожива; чужой плачь для него радость, какъ видимъ на дѣлѣ. Сколь многіе оплакиваютъ свои потери, которыя очень многимъ доставляютъ радостное приобрѣтеніе. Вотъ старикъ отецъ оплакиваетъ сына, поповшаго въ плѣнъ, а ты уже ликуешь, что приобрѣтаешь въ немъ новаго раба. Невинный крестьянинъ горюетъ о потерянномъ волѣ, а ты уже располагаешь вспахать имъ свое поле, и думаешь, что тебѣ можно собирать плоды отъ чужихъ стенаній. Вотъ благочестивая вдова плачетъ о томъ, что домъ ея разграбленъ и лишился всякой рухляди, а ты хвалишься, что этою рухлядію украсишь твой

домъ. Скажи мнѣ, христіанинъ, ужели ты не чувствуешь никакого безпокойства и угрызенія совѣсти, когда въ своей гостинной видишь чужія слезы? Писаніе говоритъ сынамъ Израиля: не касайся взятаго звѣремъ; ибо нечисто и осквернено все, чего ни коснулся хищный звѣрь (Исх.) И чрезъ то хуже звѣря является тотъ, кто беретъ то, что побѣдилъ и поразилъ звѣрь. Итакъ скажи мнѣ, христіанинъ, для чего ты взять добычу, оставленную разбойниками? Для чего расхищенное и оскверненное, какъ самъ думаешь, внесъ въ свой домъ? Для чего то, чѣмъ овладѣлъ враждебный звѣрь, пожираешь ты, лютѣйшій звѣря? Говорятъ очень многіе, что обыкновенно волки идутъ по слѣдамъ львовъ и блуждаютъ не далеко отъ ихъ ловли, конечно съ тѣмъ, чтобы свою алчность насытить чужою добычею, и что остается по насыщеніи львовъ, то пожирается хищностію волковъ. Такъ и эти волки корысти шли по слѣдамъ разбойниковъ, чтобы уцѣлѣвши отъ хищности тѣхъ досталось ихъ безчеловѣчію. Но можетъ быть, ты говоришь, что ты купилъ, и тѣмъ освобождаешь себя отъ грѣха корыстолюбія. Но обыкновенно не такъ ведется дѣло купли и продажи; покупать хорошее дѣло, но среди мира, когда продаютъ по собственной волѣ, а не при разграбленіи. Обрати вниманіе на обстоятельства, вызывающіе продажу, на виновника продажи, на количество цѣны, и ты увидишь въ покупателѣ человѣка, который старается приобрѣсть скорѣе разграбленное, чѣмъ продаваемое. Откуда у варвара золотыя и драгоценныя ожерелья? Откуда у покрываго кожею шелковыя одежды? Откуда, спрашиваю, ты принимаешь римское богатство? Мы знаемъ, что все это собственность жителей нашей же провинціи или нашихъ согражданъ. Какъ христіанинъ и какъ гражданинъ поступаетъ только тотъ кто покупаетъ для того, чтобы отдать»¹⁾.

¹⁾ Ном. ХСVI, р. 476—8.

IX. Мы прослѣдили по проповѣдямъ Максима, епископа туринскаго, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ исторіи его времени. Мы думаемъ, что историкъ съ внимательностію и благодарностію остановится на живыхъ чертахъ давняго времени, сохраненныхъ теплымъ и мѣткимъ словомъ мудраго пастыря-гражданина. А любитель христіанской письменности, читая стойкія, мудрыя и христіански-назидательныя его бесѣды, сказанныя въ тяжелое время для его паствы, будетъ питать въ себѣ чувство глубокаго уваженія къ твердой просвѣщенной вѣрѣ его, къ силѣ его гражданскаго мужества, опиравшагося на эту вѣру, и къ его благотворному пастырскому вліянію, какое оказывало его практическое слово, дышащее жизнію, мыслию и христіанскимъ чувствомъ.

Во времена Максимова епископства было и другое варварское нашествіе на Италію. Оно не сопровождалось такими потрясеніями, какъ нашествіе Атилы, и не имѣло такого подавляющаго дѣйствія на жителей имперіи, и кромѣ того Туринъ отъ него болѣе былъ обезопасенъ своею отдаленностію, чѣмъ отъ полчищъ гунновъ. Но страхъ и безпокойство замѣтно проявлялись въ паствѣ св. Максима и при этомъ нашествіи. И въ проповѣдяхъ пастыря, отечески заботившагося о своей паствѣ, встрѣчаются, хотя небольшіе, намеки на этотъ страхъ и безпокойство, внушаемые варварами, вторгшимися въ Италію съ юга. Это нашествіе, о которомъ мы говоримъ, было около 455 года, когда изъ Африки явились въ Италіи вандалы, подъ предводительствомъ Генсерика. При несогласіи лицъ, составлявшихъ правительство имперіи, этого варвара нарочито пригласила для мищенія обиженная сторона. Дѣло было при Петроніѣ Максимѣ, который лишилъ жизни и власти Валентиніана III и насильно взялъ себѣ въ супружество вдову его Евдоксію. Евдоксія, чтобы отмстить Петронію Максиму за смерть супруга и за насиліе, ей причинен-

ное, послала въ Карфагенъ звать Генсерика въ Италію, да того, чтобы онъ овладѣлъ Римомъ и возвратилъ ей свободу. Получивши такое приглашеніе, Генсерикъ тотчасъ же поспѣшилъ съ войскомъ въ Италію не потому, что хотѣлъ защитить Евдоксію, а потому, что надѣялся получить при этомъ походѣ богатую добычу. Услышавъ о переправѣ вандаловъ черезъ море, римскій народъ и войско умертвили Петронія, Генсерикъ овладѣлъ Римомъ, разграбилъ его, императрицу плѣнницею отправилъ въ Африку, и по всей странѣ италійской начали бродить полки вандаловъ, которые среди безпорядка грабили, сколько хотѣли, беззащитныхъ жителей. Туринцы начали бояться, не дойдутъ ли и до нихъ эти грабительскія шайки, хотя близко ихъ города ихъ было еще не видно. Максиму опять выпадала доля показать гражданское мужество и христіански-пастырскую мудрость. Но опасность была еще не велика, и волненіе было не продолжительное. И потому только въ одномъ словѣ, притомъ не вполнѣ дошедшемъ до насъ (Hom. VI de Nativitate Domini) ¹⁾, мы встрѣчаемъ увѣщаніе, имѣющее непосредственное отношеніе къ безпокойству, вызванному въ Туринѣ нашествіемъ Генсерика и грабительствами его вандалскаго войска. Въ день Рождества Христова, туринскій пастырь, приглашая свою паству къ праздничной радости, убѣждаетъ ее приступить къ Богу челоуѣку съ смиреннымъ сердцемъ, чистымъ умомъ, искреннимъ повиновеніемъ, и просить ее радостно славить святѣйшія тайны этого дня, просить не оставлять этой радости потому, что насъ безпокоитъ и страшаетъ кругомъ шумящее оружіе чужеземцевъ, которыхъ привело несогласіе царей. «Напротивъ поэтому еще съ большею радостію (говоритъ онъ) почтимъ тайны настоящаго дня, моля Бога, чтобы Онъ

¹⁾ Patr. cursus completus. T. LVII, p. 237—8.

удостоилъ освободить насъ отъ опасностей и сохранить насъ своею любовію» ¹⁾).

Х. Мы доселѣ выбирали наиболѣе характерныя бесѣды Максима, имѣющія непосредственное отношеніе къ теченію внѣшнихъ историческихъ событій. Среди множества другихъ бесѣдъ и рѣчей, вызванныхъ общими цѣлями пастырскаго учительства, вы не найдете такой какъ бы нарочитой исторической живописи. Но соображая всю совокупность ученій, переданныхъ съ кафедръ практически-мудрымъ пастыремъ, вы видите и уясняете себѣ духовную жизнь церкви тогдашней на западѣ.

Максимъ не былъ проповѣдникомъ догматическимъ. Его прямое слово всегда почти мѣтитъ въ практическую область. Но мѣткость его учительнаго слова, всегда соображеннаго съ обстоятельствами или вызваннаго думами и положеніемъ паствы, нерѣдко выдвигала на видъ и призывала къ суду неправославныя толки, ходившіе тогда кругомъ его паствы, и болѣе или менѣе беспокоившіе цѣлость ея вѣры. Читая проповѣди Максима, вы узнаете, какіе еретики возмущали покой церкви въ то время, когда жилъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, въ какихъ дѣйствовалъ св. Максимъ, и чрезъ это понимаете настроеніе и мысли его современниковъ и одноземцевъ, замѣчаете главные вопросы, которыми занято было религіозное сознаніе того времени. Еретиковъ разнаго вида довольно было въ его время и въ его епархіи, и заботливый пастырь не разъ предостерегаетъ отъ нихъ свою паству; потому что, по его словамъ, они строятъ ковы неопытнымъ и неосторожнымъ; не могли жить въ дому Божіемъ, они подобно лисицамъ готовятъ себѣ темныя норы, и скрываясь въ нихъ, тайно нападаютъ на цер-

¹⁾ Нош. VI, р. 238.

ковъ, такъ что если какая неопытная душа приблизится к нимъ, они схватываютъ и пожираютъ ее, какъ цыпленка ¹⁾). Ему не нравятся въ особенности поклонники развращенной новизны, которые однимъ разумомъ стараются мѣрять вещи божественныя и запутывать ихъ длинными разсужденіями. Вѣрующіи пастырь съ опасеніемъ и отвращеніемъ смотритъ на разглашательства о вѣрѣ, поднимаемые еретиками: этихъ діалектиковъ, старающихся все подчинить разсудочному сужденію, онъ сравниваетъ съ ночными птицами-совами, которыя любятъ тьму и боятся свѣта: своими разсужденіями они думаютъ подняться выше, а между тѣмъ сіяніемъ истиннаго свѣта они поражаются, какъ тѣ птицы ночныя, и вмѣсто того «чтобъ возвыситься къ божественному, ниспадають къ суевѣріямъ» ²⁾. Имѣя въ виду такихъ еретиковъ и такія ихъ стремленія, туринскій пастырь совѣтуетъ православнымъ бѣгать ихъ не только изъ хвальнаго и вреднаго обычая, грозящаго цѣлости вѣры, но и увѣщаваетъ свою паству вѣрить въ единого Бога, который сотворилъ изъ ничего сей видимый міръ, и не слушать того, кто дерзаетъ рѣшать вопросы о своемъ Творцѣ по своему разуму или лучше по своему произволу: для разума много неясно и въ обыденныхъ вещахъ; онъ не можетъ уяснить себѣ, какимъ образомъ міръ созданъ изъ ничего, откуда вошло сіяло небо, откуда водяная влага и твердая земля, какимъ образомъ изъ земли человѣкъ, отъ мужчины женщина, и опять чрезъ женщину мужчина и т. д. «Если же ты, человѣкъ (спрашиваетъ Максимъ), не въ силахъ понять самого себя сдѣланнаго тобою, какъ или откуда то сдѣлано: то не дерзаетъ ли и не глупость ли съ твоей стороны изслѣдовать Творца твоего и Творца всѣхъ?» Здѣсь предметъ выше нашего

¹⁾ Hom. CXV, p. 524.

²⁾ Hom. LXXXIX, p. 458.

разсудка; но непостижимое и темное для разсудка ясно для вѣры ¹⁾).

Часто то прямо, то косвенно, своими наставленіями и обличеніями туринскій проповѣдникъ мѣтитъ на еретиковъ манихейскаго происхожденія, въ то время заявлявшихъ себя въ Италіи. Бредни и заблужденія ихъ заставляли св. Максима тамъ и сямъ мимоходомъ защищать божественное происхождение Вѣтнаго Завѣта и его полное и удивительное согласіе съ новымъ и по духу и по содержанію, не смотря на различіе временъ ²⁾. Ихъ же бредни и заблужденія заставляли его говорить о достоинствѣ и значеніи брака, на который они смотрѣли съ презрѣніемъ: имѣя въ виду притворное лицемѣріе манихейской нравственности, св. Максимъ не разъ упоминаетъ о томъ, что Богъ учредилъ бракъ; не разъ говоритъ и то, что Господь Іисусъ Христосъ освятилъ его благословеніемъ своего присутствія на брачномъ торжествѣ. Говоря на праздникъ Богоявленія Господня, Максимъ туринскій приглашаетъ своихъ слушателей возрадоваться потому, что въ этотъ торжественный день, какъ научаетъ насъ преданіе, Христосъ Господь нашъ приходитъ по приглашенію на бракъ земной, конечно не для того, чтобы увеселяться пиршествомъ, не для того, чтобы насыщаться виномъ, но чтобы показать, что Онъ виновникъ брака, и чтобы освящающая божественная сила Его показала его значеніе ³⁾.

Св. Максимъ туринскій не дѣлалъ опроверженія еретическихъ мнѣній нарочитымъ содержаніемъ своихъ бесѣдъ; онъ касается ихъ въ рѣчи, вызванной евангельскимъ чтеніемъ или предметомъ праздника, и касается какъ бы между прочимъ. Но это частное упоминаніе о ложныхъ мнѣніяхъ въ дѣлахъ

¹⁾ Hom. X, p. 243—4.

²⁾ Hom. XI, 245.

³⁾ Hom. XVII, 260. Hom. XXIII, 273.

назиданія имѣло существенное значеніе и вызывалось практическимъ тактомъ и точнымъ соображеніемъ нуждъ паствы съ обстоятельствами, среди которыхъ протекала духовная жизнь ея. Не полемика была возбуждительною силою проповѣди Максима; но говоря слово назиданія, иногда о предметахъ общаго свойства, заботливый пастырь внимательно смотритъ кругомъ, и не опускаетъ случая сказать полезное слово въ отвращеніе той или другой опасности, грозящей цѣлости и чистотѣ вѣры его паствы. По этимъ-то случайнымъ впечатлѣніямъ въ полноту назидательной рѣчи временныхъ замѣтокъ и предостереженій можно довольно ясно представлять колебанія христіанскаго сознанія того времени въ томъ кругѣ, среди котораго раздавалось проповѣдное слово Максима. Максимъ не называетъ тѣхъ еретиковъ, отъ мнѣній которыхъ онъ предостерегаетъ свою паству. Но это и не нужно было въ то время, когда эти еретики были предъ глазами у всѣхъ и всѣмъ извѣстны были и безъ наименованія. И знающему хотя немного характеръ и направленіе тѣхъ или другихъ еретическихъ сектъ, при чтеніи проповѣдей Максима безъ затрудненія понять можно, съ кѣмъ онъ борется, отъ кого предостерегаетъ, и, значить, въ комъ видитъ болѣе или менѣе опасныхъ враговъ своей церкви или паствы.

Были толики аріанскіе на окраинахъ римской имперіи въ вѣкъ Максима, и проповѣдникъ нерѣдко говоритъ о равночестномъ достоинствѣ лицъ Святыя Троицы ¹⁾, и посвящаетъ особое слово ²⁾ защитнику православія отъ аріанства Евсевію Верцельскому, не разъ ведшему съ еретиками бесѣды въ защиту божественности нашего Спасителя. При этой похвалѣ защитнику православія проповѣдникъ кратко, но сильно нападаетъ на нечестивое ученіе, опираясь по преимуществу на

¹⁾ Serm. XLVIII, LII, LIII.

²⁾ Hom. LXXVII, p. 415—8.

слова самаго Спасителя: *Азъ и Отецъ едино есма; видѣвый Мене видѣ Отца; Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. XIV, 9. 10. 11). Частыя ¹⁾ разъясненія христіанскаго ученія касательно соединенія двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ напоминаютъ намъ объ отображеніи на западѣ споровъ несторіанскихъ и еutihianскихъ, къ укрощенію которыхъ св. Максимъ содѣйствовалъ своими усиленіями и на частныхъ помѣстныхъ соборахъ (на бывшемъ въ 451 году подѣ предсѣдательствомъ Евсевія, епископа медіоланскаго). Къ этому служатъ у него по преимуществу бесѣды на праздникъ Рождества Христова, гдѣ само воспоминаемое событіе давало поводъ къ тому, чтобы коснуться тогда волновавшаго церковъ догмата. Волненія пелагіанскія заставляли его говорить о первородномъ грѣхѣ, о томъ, что отъ Адама грѣхъ перешелъ ко всѣмъ его потомкамъ, а чрезъ грѣхъ и смерть. Не разъ похваляя святыхъ, прославленныхъ церковію, Максимъ говорить о важности и значеніи празднествъ, посвященныхъ памяти святыхъ, доказываетъ, что нужно чтить ихъ останки, что нужно призывать ихъ въ молитвахъ, и что они могутъ давать защиту и могутъ быть нашими ходатаями предъ Богомъ. Въ особенности онъ требуетъ, чтобы чтили нарочитымъ празднествомъ память святыхъ тѣхъ, чьими согражданами они были въ своей жизни, и въ тѣхъ храмахъ, гдѣ хранятся ихъ останки ²⁾. Когда читаются такіа наставленія, тотчасъ же представляются противники почитанія святыхъ и ихъ останковъ, бывшіе во времена Максима; они нашли себѣ выразителя въ нѣкоемъ Вигиланціѣ, которому еретическое мнѣніе, имъ распространяемое, снискало печальную извѣстность въ исторіи.

¹⁾ Hom. VI, VIII, XXVI, XXVII, XXXV, XIX.

²⁾ Hom. LXXXI, de sanctis martyribus Taurinensibus Octavio, Adventio et Solutore, Hom. LXXVII, de sancto confessore Eusebio Vercellensi. Hom. LXVIII de sanctis apostolis Petro et Paulo.

Но эти еретическія мнѣнія, отъ которыхъ остерегается Максимъ свою паству, болѣе или менѣе наносное въ ней явленіе. Они распространялись по всей церкви и то тамъ, то здѣсь волновали христіанскій міръ. Первоначальное ихъ происхожденіе было далеко отъ предѣловъ туринской паствы. Въ проповѣдяхъ Максима есть указаніе на еретиковъ особаго рода, имѣющихъ мѣстное происхожденіе и принадлежавшихъ собственно сего краю. Ихъ имя не означено въ исторіи, по причинѣ частнаго круга ихъ дѣятельности и ихъ не глубокихъ и не широкихъ стремленій; не называетъ ихъ по имени и проповѣдникъ. Но судя по его описаніямъ, это были еретики не догматическіе, а практическіе. По своимъ дѣйствіямъ, они напоминаютъ собою позднѣйшихъ продавцовъ индульгенцій или разрѣшительныхъ отпущевъ. Они, видно, имѣли вліяніе на простодушный народъ; потому что туринскій пастырь очень заботливо предостерегаетъ отъ нихъ свою паству. Эти еретики не отдѣлялись или не хотѣли отдѣляться отъ церкви, представляли себя въ живомъ общеніи съ нею, и имѣли пресвитеровъ. Пресвитеры эти распространяли то вредное ученіе, что для очищенія отъ грѣховъ не нужно исповѣди и сокрушенія сердечнаго, а достаточно только принести извѣстный даръ или извѣстную плату служителю алтаря. Бесѣда св. Максима по этому предмету въ излагаемыхъ *«еретикахъ, продающихъ грѣхи»* ¹⁾. Предохраня своихъ пасомыхъ отъ этихъ еретиковъ, туринскій пастырь говоритъ имъ: «мы всегда должны заботиться о благѣ вѣры, для сохраненія ея всегда должны быть вооружены чистотою мысли, и не должны зря вѣрить ложнымъ ласкательствамъ. Ибо обыкновенно врагъ вкрадывается подъ видомъ мира, то есть, подъ именемъ христіанина входитъ еретикъ, который для обольщенія простыхъ

¹⁾ Пом. CIV, р. 493—6.

людей Христа поситъ на устахъ, а діавола въ сердцѣ, и если исповѣдуетъ Господа языкомъ, то хулитъ его мыслию. Отъ такого совершенно пужно удаляться, и не пужно имѣть съ такимъ никакаго общенія. Ибо кто врагъ Господа, тотъ какимъ образомъ можетъ быть другомъ его рабовъ? Мы не должны дивиться, что такого рода еретики начали являться въ нашей странѣ. Ибо всегда волкъ хищникъ слѣдуетъ за стадомъ овецъ, всегда діаволь соблазнитель нападаетъ на собраніе христіанское. Это и полезно въ томъ отношеніи, чтобы при большей бдительности стражи овца не оставила стада, христіанинъ не оставилъ церкви. Потому и апостолъ говоритъ: *подобаетъ и ересемъ быти, да искусніи явлени бывають въ васъ* (1 Кор. XI, 19)... Чтобы удалить отъ себя ихъ богохульства, посмотримъ, какія правила ихъ жизни. Предстоятели ихъ, которыхъ они называютъ пресвитерами, говорятъ и проповѣдуютъ такой уставъ, чтобы если кто изъ мірянъ сознается въ какомъ либо преступленіи, не говорить ему: «покайся, оплачь свои дѣла, омой слезами свои грѣхи», но говорить: «дай мнѣ столько за преступленіе, и простится тебѣ.» По истинѣ пустой и неразумный тотъ пресвитеръ, который думаетъ, что Христосъ отпуститъ грѣхъ, когда онъ получитъ плату. Или онъ не знаетъ, что Спаситель обыкновенно даромъ прощаетъ грѣхи, и за преступленіе требуетъ дорогихъ слезъ, а не многихъ денегъ? Потому Самъ говоритъ: *туне пріятсе, туне дадите.* Наконецъ, когда Петръ согрѣшилъ противъ Господа, три раза отрекшись отъ него, то не дарами заслужилъ себѣ прощеніе, но выпросилъ его слезами. Ибо говоритъ о немъ евангелистъ: *плакася горько* (Лук. XXII, 62; Матѳ. XXVI, 75). Видишь, говорю, что у Христа сила въ слезахъ, а не въ дарахъ: чѣмъ больше кто оплакиваетъ вину, тѣмъ скорѣе получаетъ прощеніе. Пресвитеръ принимаетъ дары, и подъ этимъ условіемъ обѣщаетъ прощеніе.

ніе отъ Спасителя. Неразумно то установленіе, по которому менѣе виновенъ противъ Господа тотъ, кто больше приноситъ священнику. У такихъ учителей всегда богатые невинны, всегда бѣдные виновны. Какимъ образомъ можетъ дать удовлетвореніе за грѣхъ бѣднякъ, кто не имѣетъ, что принести за грѣхъ» ¹⁾)?

Чѣмъ болѣе мы обращаемся ко временамъ древней церкви и писаніямъ ея отцовъ, тѣмъ болѣе открывается своеволие западной церкви, отступившей отъ многихъ древнихъ узаконеній. Эти практическіе еретики, которые казались такъ противными и опасными умному и благочестивому представителю западнаго христіанства, въ исторіи западной церкви повторялись въ новомъ видѣ, когда ходили по городамъ и селамъ безстыдные продавцы отпустовъ, соблазнявшіе легковѣрный народъ и за деньги обѣщавшіе прощеніе грѣховъ самымъ отъявленнымъ преступникамъ. Такихъ продавцовъ индульгенцій всегда было довольно въ римско-католической церкви. Но въ послѣдствіи времени утратилось чувство нравственной чистоты, и торгующіе грѣхами перестали казаться еретиками, а явились уполномоченными на это дѣло со стороны высшей церковной власти. Индульгенціи или отпусты и нынѣ даются въ западной церкви, хотя онѣ не имѣютъ той грубой формы, въ какой являлись около времени реформаціи. Пусть же нынѣшніе послѣдователи западнаго римскаго католичества почаще обращаются къ древнимъ своимъ учителямъ, и тамъ въ ихъ писаніяхъ читаютъ обличеніе своихъ отступленій отъ чистоты вселенскаго православія.

XI. По нашимъ разсказамъ видно, что Максимъ, епископъ туринскій, довольно полно обнималъ своимъ проповѣднымъ словомъ интересы и потребности своей паствы, и на

¹⁾ Р. 494—6.

всякую нужду духовную, въ ней замѣченную, давалъ живой откликъ. Пастырская заботливость, заявляемая Максимомъ на каждомъ шагѣ, внушала его паствѣ неограниченное довѣріе къ нему, и въ слѣдствіе этого слово его имѣло большое вліяніе на гражданъ Турина. Между пастыремъ и паствою образовалась самая тѣсная связь. Максимъ туринскій считалъ необходимою обязанностію епископа обличать и истреблять всякое нечестіе, всякую нравственную слабость, и по возможности содѣйствовать правственному преспѣянію общества. Увѣщаній много въ бесѣдахъ Максима, и они полны иногда сильныхъ упрековъ; но и при этой силѣ обличенія въ словѣ слышится снисходительность любви. Пастырь, по духу Максима, долженъ быть ни слишкомъ строгимъ, ни слишкомъ снисходительнымъ, если хочетъ выполнять свой долгъ и снискать любовь у пасомыхъ.

Въ образецъ этихъ пастырскихъ отношеній мы представляемъ бесѣды о достойномъ проведеніи праздниковъ и воскресныхъ дней, о соблюденіи дней поста, и объ участіи въ тѣхъ благочестивыхъ бдѣніяхъ (*stationes*), какія церковь назначаетъ въ эти дни. Въ эти дни Максимъ советуетъ своей паствѣ неопустительно ходить въ церковь и святою евхаристіею подкрѣплять душевныя силы свои. Это увѣщаніе вызвано было нѣкоторою холодностію къ дѣлу вѣры, замѣченною Максимомъ въ его паствѣ; многіе не приступали къ трапезѣ Господней въ указанные дни, не ходили въ церковь, а вмѣсто этого шли на свѣтскія пиршества, или на ристалища или въ загородныя гулянья. Въ день церковнаго торжества на память многихъ исповѣдниковъ (*Serm. XCIII in natali plurimorum confessorum* ¹⁾) святитель счелъ нужнымъ сказать объ этомъ рѣзкое слово. Говоря о томъ, что святые исповѣдники назы-

¹⁾ Р. 717—720.

ваются друзьями Божиими, потому что хранили его заповѣди и что если кто хочет быть другомъ Божиимъ, тотъ должен соблюдать его заповѣди, проповѣдникъ прибавляетъ частное нравоученіе, не столько выведенное изъ общей мысли, сколько приложенное къ нему, по указанію внѣшнихъ обстоятельствъ сущность этого нравоученія въ томъ, что нужно ходить въ церковь въ воскресные дни, и что тотъ не другъ Христовъ, кто по воскресеньямъ не ходитъ въ церковь. «Что скажемъ (говоритъ онъ), какимъ именемъ назовемъ по отношенію къ Богу тѣхъ, которые въ день воскресный изъ-за свѣтскаго пиршества презираютъ обѣдь небесный и оставляютъ трапезу Христову, между тѣмъ какъ принимаютъ съ удовольствіемъ угощеніе человѣка? Этимъ оскорблена самая главная дружба Христова, что когда Онъ въ день воскресный зоветъ всѣхъ къ духовному отдохновенію и наслажденію, каждый предается удовольствію собственнаго сладострастія, и нейдетъ болѣе туда, куда влечетъ его нѣкоторый долгъ религіи. Ибо долгъ—христіанину въ день воскресный приходитъ въ церковь. Въ этотъ день и законы молчатъ, суды бездѣйствуютъ, чтобы люди тѣмъ безпрепятственнѣе предались дѣлу благочестія и своего спасенія, чтобы не воспящалось оно столько общественными дѣлами, сколько воспящается злодѣяніями грѣшниковъ. Но что хуже всего, такъ это то, что данное для спасенія всякій предастъ любострастію, и не только въ церковь не приходитъ по причинѣ грѣховъ, но работая суетѣ собираетъ себѣ еще тяжчайшіе грѣхи».

Другое удовольствіе, пристрастіе къ которому мѣшало туринцамъ посѣщать церковь Божию, была охота. Многіе и въ будни и въ праздники съ ранней зари поднимали въ своемъ домѣ слугъ и съ ними вмѣстѣ отправлялись въ лѣса и поля ловить дичь, забывая обязанности церковныя; и часто безъ обѣда, налагая на себя постъ, до вечера рыскали по полямъ

и лѣсамъ. На это нападаетъ Максимъ, среди рѣчей своихъ о постѣ, говоренныхъ во время святой четьредесятницы. Совѣтуя проводить постъ въ молитвахъ и добрыхъ дѣлахъ, побуждая въ теченіе его творить милостыню и ходить въ церковь, онъ посвящаетъ почти нарочитое слово тому, чтобы умѣрить страсть къ охотѣ, увлекавшую туринцевъ. «Думаете ли вы, братіе, что постится тотъ, который съ первымъ разсвѣтомъ пробуждается не для того, чтобы идти въ церковь или постыщать святыхъ мѣста блаженныхъ мучениковъ, но вставая собираетъ слугъ, расправляетъ сѣти, выводитъ собакъ, обходитъ горы и лѣса: слугъ, говорю, увлекаетъ съ собою, слугъ, можетъ быть, желающихъ больше идти въ церковь, и такимъ образомъ для своихъ удовольствій собираетъ чужіе грѣхи, не зная, что онъ будетъ виновенъ сколько въ своемъ грѣхѣ, столько же и въ погибели рабовъ. Такимъ образомъ цѣлый день онъ занятъ охотою: то издавая неумѣренный крикъ, то тихо объявляя другимъ, чтобы молчали; то радуется онъ если поймаетъ что нибудь, то сердится, если утерять то, чего не имѣлъ; и въ такомъ занятіи проводить дни, какъ будто для того назначенъ постъ, чтобы ходить или ѣздить на охоту... И хотя ты, братъ, вечеромъ возвращаешься, хотя обѣдаешь уже при закатѣ солнца, и позже другихъ возвращаешься къ покою, однако ты постился не для Господа. Ибо видно, что ты служилъ прихоти своей, а не волю Божию исполнялъ». При этомъ случаѣ проповѣдникъ касается жестокости господъ къ рабамъ своимъ. «Нѣкоторые, забывая заповѣди, свою власть надъ своими слугами и подчиненными показываютъ тѣмъ, что въ эти дни не сомнѣваются сѣчь ихъ розгами, надѣвать на нихъ кандалы, удручать ихъ казнями: а если случится слугѣ позже придти, когда возвращаются къ покою, тотчасъ же бьютъ его бичемъ и прежде насыщаются кровію раба, чѣмъ удовольствіемъ пиршества. Постъ такихъ людей не для того,

чтобы призывать милосердіе Божіе, а для того, чтобы пр
известъ крикъ стѣнящихъ домочадцевъ. Кто хочетъ заслужи
милосердіе Божіе, тотъ прежде самъ долженъ быть мил
сердъ.... Многіе, возвращаясь съ охоты, заботятся болѣе
собакахъ, чѣмъ о рабахъ и распоряжаются, чтобы собак
подлѣ нихъ лежали или спали, заставляя каждый день дава
имъ пищу въ своемъ присутствіи, между тѣмъ они не хотятъ
знать, не умираютъ ли съ голода ихъ рабы: и что еще ва
нѣе, за собаку и наказывається рабъ, если не хорошо д
нихъ приготовлена пища. И ты видишь, что въ домахъ ины
собаки бѣгають гладкія и толстыя, а люди ходятъ блѣдны
и слабые»... Послѣ такихъ обличеній, вызванныхъ конеч
живыми явленіями, проповѣдникъ совѣтуетъ такъ проводи
дни поста: «цѣлый день у насъ пусть будетъ или непреста
ная молитва или чтеніе. Кто не умѣетъ читать, тотъ пус
сыщеть святаго мужа и ведетъ съ нимъ бесѣду. Никак
дѣла міра не должны мѣшать дѣламъ Божиимъ» ¹⁾...

Подобныя увѣщанія дѣйствовали на жителей Турина.
Они стали чаще ходить въ церковь и лучше проводить д
праздниковъ и постовъ. Максимъ выражаетъ по этому ново
свое удовольствіе; и замѣчаетъ, что исправленіе его пасомы
служить утѣшеніемъ и подпорою въ его пастырскихъ трудахъ
и заботахъ. Но случилось Максиму на время оставить сво
паству, по случаю приглашенія на соборъ, кажется, въ Римъ,
и сдержанное имъ легкомысліе паствы его опять проявилось.
Люди ходили въ церковь какъ бы потому, что боялись своего
пастыря; когда же его не видѣли вокругъ себя, опять во
вратились къ прежнимъ привычкамъ, опять сдѣлались нев
мательны къ дѣлу вѣры и благочестія. Возвращается
Максимъ, не видитъ въ церкви тѣхъ, которые стали бы

¹⁾ Serm. 25, p. 581—2.

усердно посѣщать ее. Снова горькое слово; снова укоры и обличенія. Горько мнѣ (замѣчаетъ онъ) что сколько я съ отеческою любовію ни увѣщаваю васъ, повидимому нѣтъ отъ этого никакой пользы. Я надѣялся, по возвращеніи изъ собора отцовъ заняться предметами, которые могли бы быть и мнѣ пріятны и народу полезны и любезны. Но едва я вступилъ въ Туринъ, какъ ясно увидѣлъ, что эта надежда моя тщетна. Но вотъ подлинныя слова св. Максима: «я долженъ бы, братіе, послѣ этихъ многихъ дней проповѣдывать вамъ о чемъ нибудь пространнѣе, и возвратившись съ такого собора священниковъ занять васъ пріятною рѣчью..... Но, братіе, хотя я никогда не переставалъ съ отеческою любовію назидать и журить васъ, однако удивляюсь, что нѣтъ для васъ никакой пользы отъ моихъ увѣщаній, и я скорблю о томъ, что частая проповѣдь моя служить для васъ не къ исправленію, не къ преуспѣянію вашему на пути спасенія, а къ наказанію и осужденію. Ибо проповѣдь священника народу для спасаемыхъ служить исправленіемъ, а для заслуживающихъ осужденія обличеніемъ и свидѣтельствомъ; мы представляемъ имъ прежде суда то, что ожидастъ ихъ на самомъ судѣ, чтобы тогда, не имѣя никакого извиненія, они несли на себѣ всю вину за грѣхи свои и оказались вполнѣ безотвѣтными. Поэтому я, щадя васъ, хотѣлъ бы совсѣмъ молчать: но не желаю навлечь суда за нерадѣніе. Ибо я узналъ, братіе, что во время моего отсутствія только очень рѣдкіе изъ васъ ходили въ церковь, весьма немногіе являлись здѣсь, какъ будто послѣ моего отправленія и вы равно со мною уѣхали, и какъ будто въ то время, когда меня вызывала отсюда необходимость, та-же самая необходимость увлекла и васъ со мною. Мы равно не-являлись въ этомъ домѣ Божіемъ; но разница та, что меня отсутствовать заставляла необходимость, а васъ воля. Или вы не знаете, что хотя меня и нѣтъ въ церкви, но Христосъ

вездѣсущій всегда присутствуетъ въ храмѣ? Если ты, бра-
приходишь въ церковь, ужели не находишь тамъ еписко-
епископовъ—Спасителя? Христіанинъ, который тогда тол-
приходитъ въ церковь, когда тамъ епископъ, приходитъ ту
какъ видно, не столько для Бога, сколько для человѣка, и
исполняетъ обязанности христіанина боящагося, а долгъ
корнаго друга. Но что я васъ обличаю, когда вы можете
бѣдить меня однимъ словомъ? И я признаю себя побѣжд-
нымъ, когда вижу, что въ этомъ отношеніи клирики показ-
болѣе васъ нерадѣнія. Ибо какимъ образомъ я могу испр-
лять дѣтей, когда не могу исправить братьевъ? Или какъ
образомъ я могу сердиться на мірянъ, когда долженъ молч-
со стыда отъ сослуживцевъ? Я не о всѣхъ говорю, бра-
Есть благочестивые, есть и нерадивые: я никого не назыв-
пусть cadaго обличаетъ или оправдываетъ его совѣсть»

Эта строгая и жестокая рѣчь была выраженіемъ паст-
скаго гнѣва и оскорбленной ревности по благочестію. Ст-
рое обличеніе уважаемаго пастыря тотчасъ же произвело с-
благодѣтельное дѣйствіе: всѣ приняли къ сердцу его сло-
бывшіе въ церкви передали ихъ другимъ, которые или не
тѣли или не могли быть въ храмѣ Божиѣмъ въ тотъ день, ко-
Максимъ счелъ нужнымъ сдѣлать такой строгій выговоръ
легкомыслію своей паствы. Люди сознали свою вину, и о-
бенно огорчались тѣмъ, что они вызвали заслуженный гнѣ-
въ любимомъ архипастырѣ. Церковь стала наполняться бол-
обыкновеннаго въ воскресные и праздничные дни. Видя пока-
ность и нѣкоторую скорбь своей паствы, св. Максимъ ско-
смягчилъ свое сердце и какъ бы желалъ загладить ту горе-
какую имѣлъ его прежній вполне заслуженный упрекъ лег-
мысленной паствѣ. Выступая на кафедру въ слѣдующій ра-

¹⁾ Ном. СХІІ, 515—516.

послѣ того, какъ онъ такъ строго высказался по поводу забвенія жителями Турина его наставленій и христіанскаго долга, онъ ведетъ рѣчь совершенно въ другомъ тонѣ, и старается успокоить встревоженныхъ его укоромъ слушателей.

«Можетъ быть, братіе, моя проповѣдь въ прошлое воскресенье показалаcя болѣе обыкновеннаго горькою для васъ; такъ какъ я многихъ изъ васъ строже обыкновеннаго наказалъ ученіемъ и истиною, и представлялъ то, что нѣкоторымъ не принесло ласкательства, но причиняло печаль... но я радуюсь этому, зная, что печаль ученика есть радость учителя. Ибо тогда слушатель получаетъ пользу, когда проповѣдникъ возбѣщаетъ ему жесткія истины; тогда раждается для него спасеніе, когда возбуждается въ немъ печаль исправленія. Блаженный апостоль говоритъ: *печаль яже по Бозѣ покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII). Итакъ я истинно радуюсь тому, что содѣйствую спасенію, когда укоряю васъ. Пусть огорчается строгостію моею рѣчи тотъ сынъ, который чрезъ эту печаль, по моему ожиданію, достигаетъ спасенія. Святой апостоль говоритъ: *есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ* (Евр. XII, 7). Ибо не всегда отецъ ласкаетъ сына, но иногда и наказываетъ. Итакъ когда наказываютъ того, кого любятъ, тогда дѣйствуетъ любовь къ нему; ибо и любовь наноситъ свои удары, которые тѣмъ сладчае, чѣмъ жесточе наносятся; ибо пріятнѣе благочестивое наказаніе, чѣмъ льстивая поблажка. Поэтому пророкъ говоритъ: *достовернѣе (пріятнѣе) суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. XXVII, 6). Итакъ, братіе, поелику я вѣрю, что послѣ полезныхъ словъ моего укора вы преуспѣли добротою чувствъ, то разберемъ нѣчто изъ священнаго Писанія. Какъ изъ мутнаго засореннаго источника проводятъ ручейки, и разрывая и расширяя его спускаютъ изъ него мутную воду, чтобы потомъ текла болѣе чистая волна; такъ

и ваша святость разбита была жестокію моею рѣчи, но потомъ сдѣлалась обильнѣе сладостію благочестія. Нѣчто мутное, можетъ быть, ваши души держали въ себѣ, но теперь изъ вашихъ нравовъ истекаетъ все чистое.... Итакъ посмотримъ, что значить, что Господь говоритъ своимъ ученикамъ: *вы же кого Мя глаголете быти* (Матѳ. XVI, 15)* ¹⁾? Затѣмъ слѣдуетъ краткое изъясненіе евангельскаго чтенія о томъ, какъ Иисусъ Христосъ вопрошалъ учениковъ: за кого Его считаютъ люди и за кого считаютъ Его ученики Его, и какъ апостолъ Петръ на этотъ вопросъ исповѣдалъ Иисуса Христа Сыномъ Бога живаго. Извиненіе Максима, нами представленное, составляетъ половину краткой проповѣди его и оно не стоитъ въ связи съ послѣдующимъ изъясненіемъ св. Писанія. Значить, оно вызвано внутренними чувствами самого проповѣдника, возбужденными въ немъ впечатлѣніемъ его прежней проповѣди, и составляетъ къ ней необходимое дополненіе. Изъ него видно, въ какой живой пастырской связи находился онъ съ своею паствою; и вообще этотъ случай представляетъ трогательный примѣръ его любовныхъ отеческихъ попеченій о своихъ пасомыхъ.

Подобныхъ примѣровъ можно бы найти много въ собраніи различныхъ, краткихъ но содержательныхъ поученій Максима. Но мы не считаемъ нужнымъ пускаться въ большія подробности. И изъ тѣхъ указаній, какія мы сдѣлали, видно значеніе проповѣди св. Максима, епископа туринскаго, и ясно то историческое и гомилетическое богатство, какимъ его поученія выдаются изъ ряда современныхъ и соплеменныхъ ему проповѣдниковъ. Мы остановились на нихъ именно потому, что видимъ въ нихъ лучшій памятникъ древняго латинскаго проповѣдничества, и между тѣмъ мало у насъ извѣстный.

В. Пшоникій.

¹⁾ Ном. CXIII, р. 315—18.